

Ирена Микулацо

Университет Пулы им. Юрая Добрилы, Хорватия

irena.mikulaco@unipu.hr

 0000-0001-6813-381X

<https://orcid.org/0000-0001-6813-381X>

Галина Романова

Московский городской педагогический университет Москва, Россия

galinroma@mail.ru

 0000-0002-6173-2411

<https://orcid.org/0000-0002-6173-2411>

Поэтика числа «четыре» в романах Ф.М. Достоевского

Izvorni znanstveni rad /

Original scientific paper

UDK Dostoevskij, F. M.

821.161.1.09 Dostevskij, F. M.

133.5:51

<https://doi.org/10.32728/tab.21.2024.8>

Primljeno / Received: 20. prosinca 2023.

Prihvaćeno / Accepted: 1. ožujka 2024.

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены примеры частотного использования числительного «четыре» и родственных ему слов в романах Достоевского «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные», «Идиот». Этим числом обозначаются периоды, длящиеся четыре часа, дня, недели, года, преимущественно в предыстории героев. Не менее часто используется это число для обозначения денежных сумм (четвертак, четыре рубля, четыреста рублей) и крупного состояния (четыре дома, четыре тысячи крепостных крестьян). Сделан вывод о том, что поэтика числа в произведениях Достоевского характеризует не рациональное сознание, стремящееся все подсчитать, измерить, учесть, а передает неопределенное впечатление множества, количества, значимого для окружающих. В

нумерологии Достоевского, часто использовавшего число «четыре», проявляется стремление писателя отойти от традиционной мистики чисел, что становится особым художественным приемом, направленным на усиление достоверности, создания иллюзии реальности и особого художественного эффекта.

Ключевые слова: Достоевский, нумерология, поэтика, четыре, художественный образ, знак, значение

1. ВВЕДЕНИЕ

В художественном произведении в идеале каждое слово – знак, символ, троп. В литературном контексте так же воспринимаются и цифры (математические знаки), и обозначаемые ими количество и порядок. Исследования по *нумерологии*, имеющие длительную традицию, актуализированы в современном литературном и научном пространстве (Бидерманн 1996). Приверженцы этой концепции считают, что познание мира путем истолкования числовых значений правомерно и перспективно. Известно, что интерес к цифровой символике возник еще в античные времена, зафиксирован в высказываниях философов: Пифагора, Филолая, Авсония и др. Числа рассматривались не только как единицы измерения, но также в качестве первоначал и сущностей всех вещей (Филолай, 5 в. до н. э.). Особенно часто припоминают Платона, который, в частности, писал: «Точно так же никто, не познав [числа], никогда не сможет обрести истинного мнения о справедливом, прекрасном, благом и других подобных вещах и расчислить это для самого себя и для того, чтобы убедить другого» (Платон 1999: 443). Размышления об этом есть у Аристотеля, который приписал тезис «*все есть число*» школе пифагорейцев (Жмудь 1991). Современные философы освещают вопросы о происхождении и связи числа с мифологией (Кессиди 2003; Лосев 1995; Топоров 1980).

Читателей художественной литературы привлекает скрытая символика, заключенная в числа, которым приписывается «мистический», «сакральный» смысл, магическое значение. Возведение числа к прецедентному источнику (фольклору, Библии и т. д.), где оно многократно повторяется, становится подтверждением его архетипичности, что предопределяет характеры, отношения, развитие событий, проблемы и способ их разрешения. Предлагаются различные толкования данной символики в библейских текстах, где выделяют две группы чисел – исторические даты и символические, несущие богословский смысл. Например, число 40 (столько лет правили цари Давид и Соломон, столько дней Господь постился в Иудейской пустыне, столько же дней оставался на земле до Вознесения и т.д.) (Бидерманн 1996).

Числа имеют устойчивое символическое значение в фольклоре, о чем свидетельствуют исследования, в частности русского народного творчества. Как пишет исследователь данной проблемы,

для современного человека «арифметика не менее (скорее более) привычна, чем миф, и при этом не является столь вызывающе иррациональной» (Степанов 2004). Числа широко применялись представителями различных движений, в частности масонами, для постижения событий прошлого, настоящего и будущего, что нашло отражение в литературе (в «Войне и мире» Л. Толстого, например).

В изящной словесности с незапамятных времен использовались разнообразные перечни и списки, номинации количества, числа, меры, связанные с обыденной жизнью. В поэтике число получило права гораздо позже. Так, В. Гюго в стихотворении «Ответ на обвинения» (1834) как на достижение нового (романтического) направления указывает на введение бытовых деталей и уравнивание в правах высоких и низких понятий и слов:

Пробрался в пастораль презренный свинопас,

Король осмелился спросить: «Который час?»

<...>

Я цифрам дал права! Отныне — Митридату

Легко Кизикского сраженья вспомнить дату.

Бытовой вопрос и цифры сменяют сложное описание и перифразу («Я перебил хребты ползучим перифразам» – Гюго) в произведениях европейских романтиков, что поначалу рассматривалось как нарушение правил традиционной поэтики. Особое значение числа приобретают в литературе реализма, создающей иллюзию реальности и достоверности изображенных явлений.

2. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема поэтических функций чисел, их содержательной значимости в художественной литературе, в частности в произведениях Ф.М. Достоевского, еще не изучалась специально, но затрагивалась в связи с анализом пространственно-временной организации, изучением мотива денег и других особенностей художественного мира,

предполагающих числовое выражение. Восполнить этот пробел – цель данной статьи. Для ее достижения используется статистический метод, элементы мифопоэтического и структурно-семиотического подходов.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Для русской словесности на значение чисел характерен вполне трезвый взгляд, по крайней мере, начиная с XVIII в. Например, в «Письмах русского путешественника» (1792) Н.М. Карамзина с одобрением приводится саркастическое мнение об увлечении европейских аристократов нумерологией, проявившееся накануне Французской революции, когда «*математическими посылками и числами изъясняли красоты „Новой Элоизы“*. Все философствовали, важничали, хитрили и вводили в язык новые странные выражения...» (Карамзин 1984: 313. Курсив наш. – Г.Р., И.М.). Негативная оценка и подозрительное отношение к нумерологическим *хитростям* здесь очевидна. По отношению к произведениям Достоевского гораздо более важным представляется исследование не тайного смысла чисел, но использование их как *элемента художественной речи* и приема создания поэтического мира произведений. Числа, выраженные словами или цифрами, наравне с тропами выполняют разнообразные художественные функции.

В эпистолярном романе Достоевского «**Бедные люди**» (1846) деление повествования на письма, т.е. его фрагментарность, является *композиционным приемом*, характерным для жанра переписки, которая в романе началась 27 июля, а закончилась 30 сентября. Прерывистость течения времени в указанный период (неравномерные промежутки времени между письмами) осложняется ретроспективной историей героини, прошлое которой представлено как особая, концентрическая сюжетная линия. В центре воспоминаний – учеба и общение со студентом Покровским, мать которого «умерла еще в молодых годах, года четыре спустя после замужества» (Достоевский 1988: 54). Именно в этот четырехлетний период девушка выделяет «лучший день в целые четыре года» своей жизни (Достоевский 1988: 66).

Так же и Макар Девушкин в рассказе о своей первой влюбленности очерчивает пространственные параметры, указывая, что «в театре, в четвертом ярусе, в галерее» оказался с друзьями. А позже, поджидая

актрису, «всё мимо ее окон ходил. Она жила на Невском, в четвертом этаже». Счет времени на дни идет в настоящем и связан с проблемами героя, который, напившись от безнадёжности, «четыре дня пропадал» (Достоевский 1988: 87, 88, 92).

Обильные числовые обозначения связаны с деньгами, со счетом мелочи. Так, студент выделял своему отцу, склонному к алкоголизму, «по четвертачку, по полтинничку или больше» (Достоевский 1988: 56). Значения этих слов связаны с делением рубля на четыре части: «четвертачок» означает четверть, четвертую часть рубля, т.е. 25 копеек, полтинник – половину, т.е. 50 копеек. Относительность и неэнергичность чисел в романе усиливается устойчивыми разговорными конструкциями. Для обозначения небольшой группы людей также используется преимущественно числительное «четыре»: в книжном магазине возле посетителя «столпились четверо или пятеро букинистов; они его сбили с последнего толку, затормошили совсем». Бедного чиновника Горшкова «усадили играть за четвертого. Он поиграл, поиграл, напутал в игре какого-то вздора, сделал три – четыре хода и бросил играть» (Достоевский 1988: 63, 133). Произвольность чисел, условные конструкции *три-четыре*, и т.д. вызывают впечатление приблизительности и необязательности подсчета. Тем не менее высокая частотность употребления числа *четыре* в произведениях Достоевского обращает на себя внимание.

В романе **«Униженные и оскорбленные»** (1861) писатель Иван Петрович, от лица которого ведется повествование, отмечает: «Я не мистик, в предчувствия и гаданья почти не верю; однако со мною, как, может быть, и со всеми, случилось в жизни несколько происшествий, довольно необъяснимых» (Достоевский 1989: 6). Отчасти это мнение объясняет тот факт, что называемые им цифры носят случайный характер. Однако обращает на себя внимание его странное пристрастие к цифре «четыре». Используются характерные для повседневной речи метафорические выражения «в четырех стенах», «на все четыре стороны» («сделано было распоряжение отпустить Ихменева на все четыре стороны»), приблизительные обозначения («трех или четырех»), а также необычная для русского языка калька с немецкого («unter vier Augen sprechen»): «поговорить с ней между четырех глаз и что-нибудь выведать...» (Достоевский 1989: 205). Число четыре, обозначающее часы, дни, месяцы, годы связано с продолжительностью действий персонажей в прошлом.

В романе срок в четыре дня и вовсе приобретает символическое значение, так как именно в четыре дня произошли поворотные события в развитии отношений любовного треугольника: Алеши, Наташи, Кати. Именно четыре дня понадобились Алеше, чтобы влюбиться в другую. Обозначение времени в высказываниях каждого из участников событий имеет совершенно разный психологический смысл. Ветреный Алеша «весело и счастливо провел эти четыре дня»: «Вообще я весь переменялся в эти четыре дня, совершенно, совершенно переменялся...». Князь злорадствует и притворно осуждает сына за забывчивость и нарушение слова: «...в какой ад ты обратил для нее эти четыре дня, которые, напротив, должны бы быть лучшими днями ее жизни». Наташа в те же дни постигает глубинный смысл происшедшего: «Я ходила эти четыре дня здесь по комнате и догадалась обо всем» (Достоевский 1989: 171, 180, 192). Катя придает совсем другой смысл этому сроку: «А вы все-таки лишних четыре дня пробудете вместе, – вскрикнула восхищенная Катя, обменявшись многозначительным взглядом с Наташей» (Достоевский 1989: 285). Таким образом, в четыре дня безответственный и эгоистичный Алеша объективно содействует князю, счастье Наташи разрушено, она унижена, благие намерения Кати бесполезны, зло торжествует.

О том, что обозначение «четыре» не случайно, свидетельствует его применение в другой сюжетной линии. Очень напряженными и насыщенными событиями оказываются в романе четыре дня болезни Нелли: «Бедняжка очень похудела в эти четыре дня болезни: глаза ввалились, жар всё еще не проходил»; «Первые четыре дня ее болезни мы, я и доктор, ужасно за нее боялись, но на пятый день доктор отвел меня в сторону и сказал мне, что бояться нечего и она непременно выздоровеет»; «Уже четыре дня как она почти не говорила со мной» (Достоевский 1989: 252, 251, 260).

Кроме обозначения времени, число четыре становится значимым при денежных подсчетах, как, например, в разговоре Маслобоева с писателем: «ибо одна надобность, положим, рубль стоит, а другая вчетверо стоит; так дурак же я буду, если за рубль передам ему то, что четырех стоит». В сценах скандалов также доминирует то же число: например, четыре рубля, ставшие причиной ссоры Нелли с дедом. Она рассказала, как старик Смит «распорол свою подушку, с нижнего уголка, и вынул четыре целковых. Когда вынул, принес их мне и сказал: “Это тебе одной”. Я было взяла, но потом подумала и сказала: “Коли

мне одной, так не возьму”. Дедушка вдруг рассердился и сказал мне: “Ну, бери как знаешь, ступай”. Я вышла, а он и не поцеловал меня» (Достоевский 1989: 331, 304-305).

Наряду с простым количественным числительным «четыре» Достоевский использует родственные и однокоренные слова: четырнадцать, четыреста. Так, квартирная хозяйка напоминает Нелли о том, что «ее поганке-матери четырнадцать целковых долгу простила, на свой счет похоронила, чертенка ее на воспитание взяла!» Князь «прислал Николаю Сергеичу доверенность на покупку другого превосходнейшего имения в четыреста душ». Через четырнадцать лет произошла ссора между князем и Ихменевым.

Четырнадцать лет – рубежный возраст героев Достоевского, означающий переход от детства к взрослой жизни. В России во второй четверти XIX века юношам дозволялось жениться в восемнадцать лет, а девушкам выходить замуж в шестнадцать. Однако Достоевский понимал условность и неудовлетворительность этой границы. Его негативные героини нарушают и эту, слишком рано признаваемую грань, собираясь (как Свидригайлов в «Преступлении и наказании») жениться на несовершеннолетних девочках, родителями которых движут корыстные расчеты. Так, князь невесту «себе еще в прошлом году приглядел; ей было тогда всего четырнадцать лет, теперь ей уж пятнадцать, кажется, еще в фартучке ходит, бедняжка. Родители рады!». О том же, по сути, разговор Ивана и Наташи о маленькой Нелли:

- Это начало любви, женской любви...

- Что ты, Наташа, полно! Ведь она ребенок!

- Которому скоро четырнадцать лет (Достоевский 1989: 270).

Количественный показатель, часто условный, приблизительный, обозначаемый словами, содержащими корень *четыр-*, конечно, не является определяющим в характеристике персонажей Достоевского, не акцентирован в тексте, производит впечатление необязательности, мало заметен. Однако частота повторения в речи персонажей и повествователей в произведениях разных жанров, наводит на мысль о неслучайности его использования. Эти числительные можно рассматривать как приметку стиля Достоевского, его знак.

Соответственно, возникает необходимость в определении его значения.

Пристрастие к числу четыре проявилось и в романе **«Идиот»** (1868), в котором используется практически весь числовой ряд. Пристрастие к цифрам, конкретизирующим представления читателей о предметах, вызывающих ассоциации со средним количеством предметов, о приблизительном, «на глаз» указании числа, нередко присутствует в одном высказывании персонажа. Например, в рассказе Рогожина о картинах в доме отца передана специфика аукциона, на котором повышаются цены: «Вот эти все здесь картины, – сказал он, – всё за рубль да за два на аукционах куплены батюшкой покойным, он любил. ... вот картина, над дверью, тоже за два целковых купленная, – говорит, не дрянь. Еще родителю за нее один выискался, что триста пятьдесят рублей давал, а Савельев ... так тот до четырехсот доходил, а на прошлой неделе брату Семену Семенычу уж и пятьсот предложил» (Достоевский 1989: 219).

Основными «сакральными» цифрами исследователи называют цифры «три», «пять» и «семь» (Кириллин 2000). Сакральный смысл числа четыре, как важной художественной детали, очень редко звучит в романе, оставаясь на периферийном поле значений слова, например, в рассказе князя Мышкина о поведении приговоренного к казни: «священник молча ему крест к самым губам вдруг подставлял, маленький такой крест, серебряный, четырехконечный...». Лебедев, философски характеризуя человеческую натуру, обобщает: «... оскорбите тщеславие которого-нибудь из сих бесчисленных друзей человечества, и он тотчас же готов зажечь мир с четырех концов из мелкого мщения» (Достоевский 1989: 68, 377).

Символика числа четыре характерна для *предыстории* героев Достоевского. В самом начале романа молодой человек «в швейцарском плаще объявил, между прочим, что действительно долго не был в России, с лишком четыре года» – в восприятии князя Мышкина четыре года – долгий срок. Все четыре года он «в деревне сидел», «постоянно учился». С точки зрения Настасьи Филипповны, это «четырёхлетнее счастье в деревне». Саму главную героиню романа, по распоряжению г-на Тоцкого, также поселили «в деревенском доме, и воспитание маленькой Настасьи приняло чрезвычайные размеры. Ровно через четыре года это воспитание кончилось». Начался новый четырехлетний

период в ее жизни. Для развратного барина это тоже было «довольно долгое время, года четыре», которое он прожил «спокойно и счастливо, со вкусом и изящно», не задумываясь о последствиях: «Тоцкий долго не мог простить себе, что он четыре года глядел и не разглядел» (Достоевский 1989: 43, 46).

В художественном мире романа число четыре характерно для создания *эффекта достоверности и наглядности*. Указание длины, высоты, объема, а также количества предметов подчеркивает уникальность вещей, наполняющих поэтическую реальность, их необычность. Это и описание «странного предмета» – пакета с огромными деньгами, которые принес Рогожин для Настасьи Филипповны: «Это была большая пачка бумаги, вершка три в высоту и вершка четыре в длину, крепко и плотно завернутая в Биржевые ведомости"...». Группа молодых людей, явившаяся к князю Мышкину с обвинениями, также состоит из «четырех человек», во главе с сыном Павлищева, Настасья Филипповна с «рогожинской ватагой» покидает дом «на четырех тройках с колокольчиками» (Достоевский 1989: 165, 179).

Реже четверка встречается в *итеративном повествовании* об обыденных событиях (Гаврила Ардалионович «по средам всегда приходит работать и никогда раньше четырех не уходил»; Рогожин рассказывает князю о порядке в своем доме: «когда меня нет, я и ключи уожу, и никто без меня по три, по четыре дня и прибираться не входит, таково мое заведение»; «все тащили свои деньги в ломбард и натащили туда миллиарды под четыре процента» (Достоевский 1989: 80, 608, 326)).

Для усиления впечатления *многократности*, повествователь указывает (вопреки традиции) не на троекратное повторение, а на четырежды совершенное действие. Так, разыскивая Настасью Филипповну, «учительша» побывала «в четырех местах и даже заезжала к Рогожину». Лебедев сообщает князю, что Рогожина «раза четыре уже в последнюю неделю встречал» в Павловске.

Число четыре вносит значение некоторой *чрезмерности, превышения возможностей*. Так, рассуждая о характере ростовщика Птицына, предел мечтаний которого – иметь три дома в Петербурге, повествователь делает вывод: «Природа любит и ласкает таких людей:

она вознаградит Птицына не тремя, а четырьмя» домами. Богатство Павлицева, благодетеля князя, измеряется количеством крепостных: «четыре тысячи душ в свое время имели-с» (Достоевский 1989: 466). Это указание отсылает читателей к литературной традиции, начатой Н.В. Гоголем в поэме «Мёртвые души» (1842). Но Чичиков мечтал приобрести одну тысячу душ, к этому же стремился позже и герой романа А.Ф. Писемского «Тысяча душ» (1858). Состояние персонажа Достоевского, таким образом, оказывается более прочным и солидным.

Сложные числительные с корнем *четыр-* сопровождается *скандальные действия* и поступки героев. Так, Рогожин на все деньги, которые ему дал отец для деловых расчетов, купил пару бриллиантовых подвесок для героини, при этом «четыреста рублей должен остался». У Лебедева пропали (были украдены) четыреста рублей серебром, при этом в комнате находились четверо, как посчитал потерпевший, который «пришел и себя для справедливости и для порядку» (Достоевский 1989: 446).

В *фантастических*, шокирующих картинах упоминается число четыре (не характерное для фольклора) для создания иллюзии реальности происходящего. Ипполит, описывая свое видение ужасного животного, чудовища, «вроде скорпиона», указывает: «гад длиной вершка в четыре, у головы толщиной в два пальца, к хвосту постепенно тоньше, так что самый кончик хвоста толщиной не больше десятой доли вершка» (Достоевский 1989: 391). В финале романа Рогожин у тела убитой им Настасьи Филипповны «четыре стклянки ждановской жидкости откупоренной поставил»¹ (Достоевский 1989: 609).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая изложенные наблюдения за функциями числительных в трех романах Достоевского 1840-х и 1860-х гг., отметим, что числительное четыре и родственные ему (четырнадцать, четыреста, четверть) являются одними из самых частотных. В связи с этим можно предположить, что их применение не случайно. Обозначаемые ими количественные характеристики в контексте художественного целого приобретают дополнительный эстетический смысл, вполне

1 Средство для нейтрализации зловония и дезинфекции, изобретенное в России в 1840-е гг. Н.И. Ждановым.

осознаваемый автором. Это периоды, длящиеся четыре часа, дня, недели, года. Значение этого числа связано и с обозначением денежных сумм (четвертак, четыре рубля, четыреста рублей) и значительного состояния (четыре дома, четыре тысячи крепостных крестьян). Поэтика числа в произведениях Достоевского характеризует не рациональное сознание, стремящееся все подсчитать, измерить, учесть, а передает неопределенное впечатление множества, количества, значимого для окружающих. Можно сделать вывод о том, что в нумерологии Достоевского, часто использовавшего это число, проявляется стремление писателя отойти от традиционной мистики чисел, что становится особым художественным приемом, направленным на усиление достоверности, создания иллюзии реальности и особого художественного эффекта. Читателями воспринимается как вполне органичный элемент поэтики произведений Достоевского, знак условности, передающий скорее впечатления, чем объективные параметры явлений.

ЛИТЕРАТУРА

- Бидерманн Г. (1996). *Энциклопедия символов*. М.: Просвещение.
- Достоевский, Ф.М. (1988–1989). *Собрание сочинений: в 15 т.* Ленинград: Наука, тт. 1, 4, 6.
- Жадаев А. (2011). *Нумерология на компьютере. Расчеты судьбы на компьютере по методике Пифагора*. Москва: ДМК Пресс.
- Жмудь Л. (1991). «Все есть число»? (К интерпретации «основной доктрины» пифагореизма), в: *Mathesis. Из истории античной науки и философии*. Москва: Наука.
- Маклин П. (2002). *Нумерология и судьба / перевод с английского*. Москва: Мир книги.
- Карамзин Н.М. (1984). *Сочинения: в 2 т.* Ленинград: Художественная литература, т.1.
- Кессиди Ф. (2003). *От мифа к логосу. Становление греческой философии*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Лосев А.Ф. (1995). *Словарь античной философии*. Москва: Мир идей; АО Акрон.
- Кириллин В.М. (2000). *Символика чисел в литературе Древней Руси (XI—XVI века)*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Ольшевская Н. (2012). *Большая книга нумерологии*. Москва: АСТ.
- Платон (1999). *Законы / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи*. Москва: Мысль.
- Романова Г. (2020). *Актуальность классики: «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина в свете рецептивной эстетики*. Москва: МГПУ.
- Сатанар М.Т., Илларионов В.В. (2017). Сакральная символика эпического числительного «четыре», в: *МНКО*. №2 (63).
- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sakralnaya-simvolika-epicheskogo-chislitel'nogo-chetyre> (дата обращения: 19. 4. 2024).
- Степанов А. (2004). *Число и культура: Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории*. Москва: Языки славянской культуры. URL: <https://rbook.me/book/7471296/read/page/16/> (дата обращения: 4. 4. 2019).
- Топоров В.Н. (1980). О числовых моделях в архаичных текстах, в: *Структура текста*. Москва: Наука.

Топоров В.Н. (2004). Число и текст; Числовой код в заговорах; Заметка о числовом коде русских загадок, в: Топоров В.Н.: *Исследования по этимологии и семантике. Теория и некоторые частные ее приложения*. Москва: Языки славянской культуры.